

На правах рукописи

ДАУЛЕТОВА Виктория Александровна

**ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
СОЗДАНИЯ АВТОИМИДЖА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале русской и английской
биографической прозы)**

10.02.20 — сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2004

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кубанский государственный технологический университет».

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор *Воркачёв Сергей Григорьевич*.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *Аанафурова Татьяна Николаевна*;
кандидат филологических наук,
доцент *Буряковская Валерия Анатольевна*.

Ведущая организация — Ростовский-на-Дону государственный педагогический университет.

Защита состоится 2 июля 2004 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан ~~27~~ мая 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н. Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено изучению лингвистической реализации концепции автоимиджа на базе биографического дискурса, созданного политическими деятелями России и Великобритании. Тема работы находится на перекрестке важнейших дисциплинарных областей современной лингвистики (прагматики, социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, гендерной лингвистики) и обращена к рассмотрению вербализованных унифицированных представлений об образе Я индивида как носителя определенной культуры и тендера.

Актуальность данного исследования определяют следующие факторы:

1) В современном мире возрастает значимость политической коммуникации, от правильной интерпретации которой зависит решение целого ряда социально-политических проблем.

2) Исследования, проводимые в области политического дискурса, широко представлены в коммуникативной лингвистике, однако типы, жанры, категории этого дискурса еще недостаточно изучены.

3) Жанр политической автобиографии традиционно является объектом исследования литературоведения, его коммуникативный потенциал до сих пор не оценен по достоинству.

4) Модель построения концепции автоимиджа, находящаяся в фокусе внимания психологов, еще никогда, насколько известно, не рассматривалась с позиций лингвистики и лингвокультурологии.

5) Изучение и систематизация вербальных средств речевого воздействия, реализуемого посредством концепции автоимиджа, позволяют вскрыть механизмы осуществления общения политика с потенциальным электоратом.

Объектом анализа является автоимидж агентов политической коммуникации, концепция которого объективируется в автобиографическом политическом дискурсе.

Предметом исследования выступают вербальные средства реализации концепции автоимиджа политических деятелей двух лингвокультур — русской и британской.

Цель работы заключается в выработке лингвистической автоимиджевой концепции политиков, в выявлении ее тендерных и этнических особенностей в русской и британской культурах.

Для достижения данной цели ставятся следующие исследовательские задачи:

1) описать политическую автобиографию как речевой жанр, рассмотреть его тематические, композиционные и стилистические параметры;

- 2) установить специфику дискурса политической автобиографии;
- 3) отобразить и систематизировать языковые средства формирования концепции автоимиджа;
- 4) обозначить тендерные и этноспецифические аспекты автобиографического политического дискурса и его автоимиджевых моделей в сопоставительном плане на материале русского и английского языков;
- 5) разработать способы верификации соответствия построенной концепции автоимиджа объективно сложившемуся публичному имиджу.

Цели и задачи настоящей работы определили выбор исследовательских методов: гипотетико-дедуктивного, дискурсного, контекстуального, сопоставительного анализа; интроспекции; элементов контент-анализа; описательного метода.

Материалом исследования послужили собственно автобиографии, личная переписка, дневники политических деятелей, а также мемуары политических журналистов, публикации в Интернете. В качестве единицы исследования был взят текстовый фрагмент, в котором были вербализованы характеристики автоимиджа политика. Картотека текстовых примеров составила около 1000 единиц.

В качестве методологической основы исследования следует рассматривать базовые положения лингвистики текста и теории дискурса (А. Г. Баранов, Р. Водак, Т. ван Дейк, В. И. Карасик, П. Серрио, М. Стаббс, Е. И. Шейгал), когнитивной лингвистики (А. Н. Баранов, Дж. Лакофф, П. Б. Паршин), прагмалингвистики (Н. Д. Арутюнова, В. И. Жельвис, Е. И. Шейгал, Т. Н. Астафурова), жанроведения (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева), лингвокультурологии (С. Г. Воркачѳ, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин).

Выполненное исследование базируется на следующих положениях, разработанных в лингвистике:

1. Коммуникативный подход к языку предполагает изучение дискурса как текста, погруженного в ситуацию общения и рассматриваемого с позиции социо- и прагмалингвистики (Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Р. Водак, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Е. И. Шейгал).
2. Взаимодействие на уровне социальных институтов, с одной стороны, и межличностное общение, с другой, приводят к появлению сложных дискурсивных образований (А. Г. Баранов, Т. ван Дейк, Е. И. Шейгал).
3. Речевое воздействие представляет собой способ изменения интенциональной сферы внутреннего мира человека за счет модифика-

ции отдельных фрагментов структуры его знаний (М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс).

4. Семиотическая модель политической коммуникации включает в себя интеграцию, ориентацию и агональность, которые реализуются на уровне знаков, речевых актов и жанров (Е. И. Шейгал).

5. Имидж как свернутый текст является одним из знаков политической коммуникации и отмечен манипулятивной спецификой (Р. Б. Берне, М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, Г. Г. Почепцов).

Научная новизна работы состоит в следующем:

1) Описан жанр политической автобиографии с позиций коммуникативной генристики.

2) Представлена трехкомпонентная лингвистическая модель концепции автоимиджа.

3) Собраны языковые (лексические, грамматические, синтаксические) и речевые (стратегии, тактики, ходы) средства формирования автоимиджа индивида.

4) Зафиксированы национально-культурные и тендерные особенности современного автобиографического политического дискурса в России и Великобритании.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в дальнейшем развитии и углублении теорий дискурса и речевого воздействия, в уточнении жанров гибридного характера (институциональный + межличностный виды общения), освещении национально-культурных параметров политического дискурса, в социолингвистическом моделировании языковой личности политика.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут быть применены в вузовских лекционных курсах по языкознанию, в спецкурсах по лингвистике текста и теории дискурса, социолингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии, риторике, стилистике, в практическом курсе делового английского языка, а также могут быть полезны специалистам в области политической и межкультурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Автоимидж как одна из составляющих понятия «имидж», с одной стороны, и как разновидность имиджа, с другой, представляет собой образ, сложившийся в сознании индивида, отражающий представления личности о своем собственном Я. В его структуру входят три компонента («Собственно Я», «Я со стороны», «Я идеальное»), каждый из которых представлен набором средств языковой реализации.

2. Жанр политической автобиографии, в рамках которого происходит вербализация автоимиджа политических деятелей, является

речевым жанром, построенным по определенным тематическим, композиционным и стилистическим канонам.

3. Политическая автобиография — это сложное дискурсивное образование. В соответствии с коммуникативно-прагматической целью автобиографический дискурс относится к политическому институциональному, однако представлен в формате межличностного общения.

4. Концепция автоимиджа политических агентов русской и британской культур гендерно- и национально-обусловлена, что находит свое отражение в выборе и предпочтениях, отданных тем или иным лингвистическим средствам.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались на научном семинаре «Проблемы лингвоконцептологии» (Краснодар, КубГТУ); заседаниях кафедры научно-технического перевода КубГТУ (Краснодар); на международных конференциях «Язык в мире и мир в языке» (Краснодар, КубГУ, апрель 2001), «Филология и культура» (Тамбов, ТГУ, май 2001), «Современная политическая лингвистика» (Екатеринбург, УГПУ, октябрь 2003); на межвузовской научно-методической конференции «Теория и практика преподавания иностранного языка» (Краснодар, КВАИ, февраль 2004); материалы публикаций применялись в вузовском лекционном курсе «Теория и практика перевода в СМИ». По теме диссертации опубликовано 7 работ, в том числе 4 статьи.

Структура. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В главе 1 «Автоимидж в сфере политической коммуникации и аспекты его изучения» излагаются основные теоретические и методологические положения, на которые опирается автор диссертации.

Рассматривается политический дискурс (определяются понятия «дискурс», «политический дискурс», предлагается алгоритм анализа политической коммуникации), представлены характеристики и подходы к изучению речевых жанров, описываются средства речевого воздействия, вводится понятие «имидж» и определяется место автоимиджа в структуре имиджа.

Изменение парадигмы гуманитарного знания в сторону антропоцентризма ознаменовалось активизацией интереса к взаимоотношениям человека и дискурсных форм общения.

Существует ряд определений термина «дискурс», однако в данном диссертационном исследовании дискурс понимается как «речь, погруженная в жизнь» (Аругюнова 1990), и рассматривается в тесном взаимодействии с социальными факторами.

Для определения политического дискурса применяется широкий подход к политической коммуникации, который позволяет причислить к ней «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» (Шейгал 2000).

Базовый алгоритм изучения дискурса политических автобиографий основан на семиотическом треугольнике (семантика — прагматика — синтактика) и позволяет проанализировать исследуемый тип дискурса с точки зрения системообразующих признаков, основных категорий, концептов и функций, семиотических знаков, прагматических особенностей и жанровых характеристик.

Системность политической коммуникации определяется жанровыми канонами и представляет собой определенный формат, в рамках которого происходит акт самопознания. Широкое понимание речевых жанров предполагает включенность в их понятийную сферу коротких реплик бытового диалога, бытового рассказа, письма, короткой стандартной военной команды, развернутого детализированного приказа, деловых документов, публицистических выступлений и всех литературных жанров (Бахтин 1996). Основным направлением в изучении жанров политической коммуникации выбрана коммуникативная генристика, соединяющая в себе такие области исследования речевых жанров, как, генристика и жанроведение.

Политический дискурс как разновидность персуазивного дискурса отмечен манипулятивной спецификой, которая выражается в оказании речевого воздействия на адресата с целью внести когнитивные изменения в его картину мира, которые повлекут за собой регуляцию диспозиций и деятельности адресата в пользу адресанта. Речевое воздействие осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операции над знаниями адресата, над его ценностными категориями, эмоциями, волей. Необходимым условием успешности речевого воздействия выступает учет национально-культурных особенностей языковой личности адресата.

Автоимидж определяется как национально и гендерно маркированный образ Я, сложившийся в сознании индивида как собственно личности, так и представителя института. Он является одной из составляющих понятия «имидж», однако, взятый в качестве основного объекта настоящего диссертационного исследования, он приобретает глубину, многогранность и автономность, что выражается в его

уникальной структуре (3 компонента — «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеальное») и вербальных средствах его объективации.

В главе 2 «Жанр политической автобиографии» исследуются жанровые характеристики и дискурсные реализации политической автобиографической прозы, в рамках которой происходит реализация концепции автоимиджа представителей политической элиты. В качестве исследовательского материала использованы автобиографии российских (И. Хакамада, Б. Немцов, Е. Гайдар) и британских (М. Тэтчер, А. Кларк, П. Ашдаун) политических деятелей.

Функциональный (коммуникативный) подход к литературным жанрам, а также включенность автобиографических произведений в сферу политической коммуникации оправдывают присвоение политической автобиографии статуса речевого жанра нарративного реминисцентного характера, построенного по определенным тематическим, стилистическим и композиционным канонам.

Жанр политической автобиографии относится к вторичным речевым жанрам, т. к. является сложным дискурсивным образованием с неоднородной структурой. Он включает в себя различные виды первичных жанров (реплики диалога, риторические вопросы) и фрагменты других вторичных жанров (рассказы, авторские рассуждения социально-политического или философского характера, афоризмы, паремии, стихи).

Основной задачей жанра выступает осуществление акта коммуникации между автором/адресантом и читателем/адресатом. В политических автобиографиях четко прослеживается коммуникативная цель (эксплицитная — пролить свет на ход исторических событий; имплицитная — скорректировать или реанимировать свой публичный имидж), воссозданы образы адресанта (действующее лицо нарратива + рассказчик) и адресата (массовый читатель), очерчено коммуникативное прошлое (рефлексивная ретроспекция имевших место событий профессиональной и частной жизни автора) и будущее (изменение отрицательных и усиление положительных диспозиций адресата по отношению к персоне автобиографа), воплощено событийное содержание (проникновение интимного в социальное и наоборот, связь настоящего с прошлым и будущим), введен определенный языковой формат (литературный язык с элементами разговорно-бытовой лексики и политической терминологии).

Тематически политическая автобиография определяется как описание пройденного жизненного пути автора. Эта центральная тема разбита на ряд традиционных для автобиографического произведения подтем — детство, юность, студенческие годы, самостоятельная

жизнь (любовь, брак, семья; работа), зрелость (жизнь в политике) — или сценариев — «первое публичное выступление», «победа на выборах», «отставка» и т. п.

Стилистически политическая автобиография представлена публицистическим функциональным стилем, который по оси институциональности (научный — художественный) наиболее близок к художественному стилю, поскольку для автобиографической прозы важнее образность и эмоциональность, а не фактологическая точность. Уникальность жанра политической автобиографии заключается в создании автором образов первого и второго порядка: 1) образа самого себя (self image), который распадается на 3 подвида: реальный, желаемый и со стороны; 2) образов «других» (персонажей). Образы первого и второго порядка неразрывно связаны между собой, т. к. образы персонажей привносят дополнительную информацию в образ протагониста, т. е. самого писателя.

По оси рациональности (деловой — разговорный стиль) политическая автобиография занимает промежуточное положение. Деловой стиль, как правило, возникает в рассуждениях социально-политического или философского характера. К его особенностям можно причислить следующие: наличие штампов, канцеляризм; упор на пассивные грамматические конструкции; обилие псевдоагенсных конструкций, фантомной лексики, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Разговорный стиль представлен разговорно-бытовой лексикой, сленгом; риторическими вопросами; предпочтение отдается активным, а не пассивным конструкциям; предложения в основном короткие, простые, усеченные.

Композиционно политическая автобиография обозначена как макронарратив, который строится в виде последовательности функционально-семантических фрагментов текста. В содержательной структуре автобиографического нарратива выделены следующие компоненты: действующие лица — протагонист (рассказчик и главное действующее лицо), антагонист; помощники. Событийная фабула разворачивается в пространственно-временных координатах конкретной ситуации. Событийная структура состоит из Резюме, Описания окружающей обстановки, Осложнения, Развязки, Коды и Оценки. Автобиографический макронарратив включает в себя микронарратив, т. е. рассказы по ходу автобиографического повествования.

Формы, которые приобретает жанр политической автобиографии, представлены собственно автобиографией (мемуарами), дневниками, личной перепиской.

Было выявлено, что доминирующим типом автобиографического дискурса выступает политический дискурс, поскольку его субъект и содержание относятся к сфере политики. Отмечено, что автобиографический дискурс совпадает с политическим в плане системообразующих признаков, функций, знаков семиотического пространства, прагматических характеристик и речевых актов.

1. К системообразующим признакам (по Е. И. Шейгал) относятся следующие:

А. Институциональность. В политических автобиографиях институциональность определяется субъектно-адресными отношениями, которые представлены общественно-институциональной коммуникацией (осуществляется через высказывания автора биографической прозы как представителя института/партии), а также коммуникацией между институтом (автобиографом как носителем статусного индекса) и гражданином (отдельно взятым читателем со всей присущей ему системой политических взглядов и предпочтений).

Б. Информативность. С позиций информативности дискурс политической автобиографии можно рассматривать в рамках противопоставления «информативность — фатика». Критериями информативности считаются небанальность, релевантность и адекватность в подаче информации, а фатика предполагает банальность содержания, эмоциональность и аффективность. Было установлено, что политические автобиографии навязывают читателю иллюзорное чувство новизны, возникающее благодаря передаче якобы до настоящего времени неизвестной фактологической информации. Однако на самом деле — это лишь субъективная, эмоционально окрашенная интерпретация событий, предложенная автором и выдаваемая им же за нечто истинное и разоблачающее.

В. Театральность. Напрямую она связана с теми ролями, которые по ходу развертывания повествования автор-актер играет для своих читателей-зрителей.

Г. Смысловая неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность. Они проявляются в автобиографическом политическом дискурсе в моменты реализации своей прагматической интенции.-

Д. Динамичность дискурса политической автобиографии. Она выражена в мобильности лексики, что легко проследить, обратившись к автобиографическим произведениям разных временных отрезков и этапов политической жизни.

Е. Фактор масс-медиа. Отражается в политических автобиографиях опосредованно, через общность массового адресата и сильную субъективную интерпретационную сущность.

2. Функциональную специфику политического дискурса в целом и дискурса политической автобиографии в частности можно рассматривать в двух планах: а) с позиции его ориентации на реализацию той или иной языковой функции; б) с точки зрения его системообразующей интенции.

В первом случае для автобиографического политического дискурса характерно выполнение регулятивной, референтной, креативной, магической функций. Во втором случае основной функцией автобиографического политического дискурса является инструментальная (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение). Однако по причине своей глобальности она членится на более частные функции, например такие, как функции социальной солидарности, ориентации и агональности. Они гармонично коррелируют с основными знаками семиотического пространства политического дискурса (знаки ориентации, интеграции и агональности) и накладываются на базовую семиотическую оппозицию «свои — чужие».

3. Наличие прагматических характеристик в дискурсе политических автобиографий обусловлено соображениями политической выгоды. Ложь, полуправда выходят на первый план и лежат в основе многочисленных коммуникативных манипуляционных приемов. К таковым относятся, во-первых, эвфемизмы (*неполная занятость*, под которой понимается «безработица»); *скудость культурно-бытового обеспечения*, которая камуфлирует прототип «неустроенный быт») и дисфемизмы (*прован* вместо «неудавшаяся операция», *разваливаться* вместо нейтрального «ухудшаться»).

Эвфемизмы и дисфемизмы приводят к семантической неопределенности, которая в автобиографическом дискурсе выполняет функцию «вовлечения в сюжетную интригу». Смысл данного приема заключается в следующем. Адресат, получая имена с неопределенной референцией, нуждается в уточнении этой референции и тем самым задает себе вопрос, на который не дается ответа в тексте (*Правда, некоторые деятели, из тех, кто прорвались к власти на волне демократического подъема (кто?), считают, что им уже пора отomezваться от реформаторов; сбросить их, как ненужный балласт*).

Еще одним приемом оказания манипулятивного воздействия является применение непрототипных вопросов, которые делятся на риторические вопросы с прямой адресацией (*Неужели вы всерьез полагаете, что народ слепо верит предвыборным обещаниям?*) и с косвенной адресацией (*Лужков несет в себе стабильность, даже, возможно, некоторый экономический рост. Какие есть основания против него опочаться?*).

Аргументация также входит в число манипулятивных средств и осуществляется посредством либо текстовых реминисценций, представленных в виде афоризмов, стихов и паремий, либо с помощью аналогий с личным опытом читателя (*Вы приходите к врачу и говорите, что у вас болит сердце. А врач авторитетно заявляет, что вы напрасно жалуетесь, потому что кардиограмма у вас в порядке. Но вам-то все равно плохо, все равно больно!*).

Дискурс политических автобиографий — благодатная почва для применения техник НЛП, к которым можно отнести следующие: а) умышленное использование пресуппозиций через вводные слова (*очевидно, ясно, конечно*), модальные операторы (*требуется, должен*)[^] конструкции с «если»; б) перегрузку сознания реципиента информацией или воздействие на разные каналы получения и переработки информации; в) метафоризацию (*Если изобразить это в картинках, то больно попытаться поставить наноги и станут смотреть, что с ним будет. Окажется, что он хорошо и самостоятельно ходит, — назначат его к выписке. Если же он упадет — продолжат лечение*).

4. Автобиографический политический дискурс в своем речеактовом представлении включает себя следующие высокочастотные речевые акты: положительной самооценки, отрицательной оценки оппонента, положительной оценки единомышленника, опровержения/изобличения во лжи, акты прогноза и призыва.

Акты положительной самооценки варьируются от закамуфлированной похвалы самого себя (*The nicest thing in the waiting postbag was a lovely letter from Julian Amery. "I am amazed you survived the Reshuffle. You stick out like a red poppy in the hayfield of mediocrities surrounding you. It is very offensive to them to be original, intelligent, courageous and rich". What a marvelous compliment from someone who has been in public life for almost 40 years*) до открытого хвастовства (*Если бы меня заставили работать в отделе пропаганды Министерства обороны, думаю, я нашел бы способ сделать вооруженные силы романтическими и привлекательными*).

. Речевые акты отрицательной оценки оппонента являются отражением агональности политического дискурса. Основная цель — ниспровержение политического соперника. Унижение оппонента осуществляется с помощью иронии, инвектив, сниженной лексики (*Статья профессора Московского института народного хозяйства Р. Хасбулатова привлекла мое внимание еще в 1988—1989 годах. Напечатанные в «Комсомольской правде», они отражали упрощенное, розовое, в стипераннегорыночного социализма, видение предстоящих преобразований*).

Наряду с актами отрицательной оценки оппонента присутствуют и акты положительной оценки единомышленника *{Чубайс — один из самых талантливых политиков России. Я не собираюсь давать положительную или отрицательную оценку его деятельности, последствиям этой деятельности. Но то, что Чубайс в огромной стране, благодаря своему аппаратному таланту, сумел реализовать беспрецедентную программу приватизации, то, что он осуществил эту программу, несмотря на все нападки, — это, я думаю, шаг, не имеющий аналогов во всей российской истории последних лет}*.

Неотъемлемой частью диалога политических противников выступает вербальная реакция на уклонение от истины, т. е. имеют место речевые акты опровержения/изобличения во лжи. Как правило, в автобиографическом политическом дискурсе происходит прямая констатация факта лжи. *(Alan Leaman rang at about 3. 30 to say that GQ magazine had published a scurrilous piece about me being in SIS and having been observed gambolling passionately with a female SIS officer at a training camp in the south of England. Complete fiction.)*

Автобиографы склонны делать прогнозы, навязывая свое видение будущего читателю. Обычно автобиографические прогнозы не категоричны, что объясняется, по всей видимости, осторожностью авторов, связанной с письменной фиксацией прогноза *(Боюсь, что положение не исправится до тех пор, пока в России не сформируется гражданское общество)*. В связи с преобладающим ретроспективным характером рассматриваемого жанра, в автобиографическом дискурсе часто встречаются прогнозы-ретроспекции, которые представляют собой гипотетическую реконструкцию возможного хода событий прошлого *(Этипотери — их небыобы, если бы не существовала проблема информации)*.

В дискурсе политической автобиографии акты призыва отличаются сниженной агрессивностью, косвенным характером и представлены в виде советов *(Главное — не молчать. Не перекидываться официальными заявлениями. Больше встречаться...)*.

Специфика автобиографического политического дискурса заключается в лично ориентированном субъективном преломлении оценки представленных в тексте фактов, событий и персонажей. Этим обусловлена отнесенность данного типа дискурса к сфере «разговоров о политике».

Дискурс политической автобиографии является гибридным, поскольку помимо политического дискурса, выступающего в качестве доминанты, он включает в себя и другие виды общения (художественный, бытовой, педагогический, рекламный, научный, военный типы дискурса).

Элементы художественного дискурса в политической автобиографии способствуют повышению читательского интереса, а также активизируют образное восприятие читателем выстраиваемых автором имиджей (собственного и сопутствующих персонажей).

В политическом автобиографическом общении бытового дискурс направлен на установление доверительных отношений с адресатом, создание иллюзии его непосредственного участия в акте коммуникации. Для этого, во-первых, максимально упрощается лексическое и синтаксическое наполнение дискурса (вводятся сниженная разговорная лексика (*блефануть, отлуп, крутая, сдвинутые, училка, кидать*), идиомы (*пробивать лбом глухие стены, в глазах черно*); усеченные синтаксические конструкции (*Разумеется, с деньгами, Схватила — и бегом в университет. Одно из двух*); исключительно разговорное междометие *ну*). Во-вторых, привлекаются риторические вопросы (*Ну, а когда тебя выигрывают крашеными картами?, Где взять деньги?*). В-третьих, приводятся доходчивые житейские примеры (*Недавно я была одной женщины. Родилась она в Китае, занимается составлением гороскопов и по ним определяет, что происходит у вас в организме. Что сомной, она угадала совершенно точно и сказала при этом: не верь теникому из врачей, кто будет обещать вас почностью от этого вылечить. Тако не возможно. То, что вам небеса миположено, всеравно останется привас. Молено облегчить, можно уменьшить приносимый вред. Но все равно с этим придется жить. Вот так я ощущаю и Россию — все мие ее проблемами*).

Педагогический дискурс на пересечении с политическим выступает в своей прескриптивной функции, когда автор-учитель указывает своему читателю-ученику, что нужно делать в той или иной политической ситуации. Основным типом модальности здесь является деонтический, представленный маркерами должностования «должен», «следует», «необходимо», «надо» (*Прогнозы — то, чем должен заниматься политик; Действовать надо наворачьяка*). Таким образом, осуществляются либо формирование, либо перестройка ценностных установок читателя-ученика, которые в дальнейшем дадут о себе знать при следующем политическом выборе.

Предназначение рекламного дискурса в рамках автобиографической политической коммуникации — самореклама и самопродажа автора. Данный замысел реализуется посредством речевых актов положительной самооценки, где адресант намеренно высвечивает все привлекательные качества своей личности: *Я не лучше их (бочьиинства политиков. — В. Д.) — я просто другая. Цветы должны быть разные. Я — цветочкиноговида, инесомневаюсь, что моё присутствие то же необходимо дчя баланса*.

Научный дискурс заявляет о себе терминами из определенной научной сферы. Как правило, это область психологии (*завышенная самооценка, пессимист, личность деградирует, гипертрофированное ощущение, транс, клинические особенности, люмпинизированное*). Используя подобного рода вкрапления, автор таким образом стремится зарекомендовать себя человеком хорошо образованным, склонным к научному обоснованию происходящих вокруг него процессов!

Военный дискурс представлен в двух видах — метафорическом и реальном. В первом случае военные метафоры отражают противостояние оппонентов, политическую борьбу за власть (*арьергардные бои, стоять на страже, борцы, ходить по минному полю, бюджетная бомба замедленного действия, грядущая схватка, капитуляция политически разгромленных противников*). Во втором случае реальный военный дискурс возникает по ходу автобиографического, когда речь заходит о военных действиях (*Later at 9p.m. standing outside the hangar we saw a tremendous artillery duel take place about 400 yards away. You could hear the zing of the shrapnel. Out on the airfield, I suddenly realized we were being fired at by automatic rounds. We quickly retreated behind a shelter and watched the firework display for about an hour before going down to a very well-constructed bunker...*). Обилие военной лексики обеспечивает формирование у читателя ощущения опасности происходящего и чувства уважения к автору, который не испугался войны и лично участвовал в разрешении военного конфликта.

Автобиографическому политическому дискурсу присущи как гендерные, так и национально-обусловленные особенности. К показателям тендерного толка следует отнести следующие:

1) Акцент на определенных этапах личной жизни автобиографов: мужчины — период профессионального карьерного роста, женщины — детство (И. Хакамада посвящает описанию детства 24 страницы своей автобиографии: с. 5—29, М. Тэтчер — 32: с. 3—34, в то время как Е. Гайдар о детстве повествует на 12 страницах: с. 11—22, а Б. Немцов сокращает описание детских лет до 3 страниц: с. 7—8, 121).

2) Тематическое содержание речи: у мужчин — деньги, бизнес, автомобили (*I noticed a dark red DEC VS Aston Martin on the slip road with the bonnet open...; The order was Volvo Wagon, Rolls Shadow, Rolls Spirit, Range Rover and Mercedes 500 SEQ*; у женщин — внешность (наряды, украшения), семья (*Как сейчас, вижу: блестящий под кожу мини-сарафана молнии и бокарский джемпер-«лапша»*). Клоун прозрачной юбке с цветочек нашиваются изящные туфельки, а ее соединяют сяжечьми чёрными ботинками. Сделала косой пробор, как у манекенщицы, уложила волосы в одну сторону, зализала их с помощью желе. Пучок сзади оставился, но его заматывала цветным шатком).

Этноспецифические характеристики включают в себя расхождение в области языкового наполнения дискурса политических автобиографий (англоязычным автобиографам в большей степени, чем русскоязычным, свойственны тонкость иронических высказываний и метафоричность речи), а также в специфике институциональности (в англоязычных автобиографиях — статусно-ориентированный формат ведения коммуникации с адресатом, в русскоязычных — личностно ориентированное общение).

Глава 3 «Лингвистическая реализация концепции автоимиджа в русской и английской биографической прозе» посвящена отбору и систематизации языковых и речевых средств формирования автоимиджевой модели.

Универсальная концепция автоимиджа включает в себя три составляющие: 1) «собственно Я»; 2) «Я со стороны»; 3) «Я идеальное». Каждая составляющая представлена своим набором языковых (лексических, грамматических, синтаксических) и речевых (стратегий, тактик, ходов) средств реализации. Выбор средств национально обусловлен, что выражается в виде предпочтений и количественных пропорций/соотношений.

Итак, «собственно Я» подразумевает реальную оценку индивидом самого себя, состоит из осознанного восприятия и ценностей Я и отражено в русскоязычном автобиографическом дискурсе с помощью формальных и семантических приемов. К формальным приемам относятся следующие:

1) личное местоимение «я» + набор характеристик (*Я абсолютный фаталист*);

2) притяжательное местоимение «мой, моя, моё» + черта характера + предикат (*Мой индивидуализм проявил себя почностью*)\

3) «у меня есть/у меня нет» + перечень личных и деловых качеств (*У меня нет зависти ни к чужим мыслям, ни к чужому успеху*);

4) предикаты внутреннего состояния (*Я люблю жизнь, люблю все*

5) алетические модальные глаголы (*Я умею держать удар*);

6) идентификация своих через интегрирующие местоимения «мы», «наше» (*Но мы же люди интеллигентные*);

7) личное местоимение в 3-м л. ед. ч. (*Здесь мне хотелось рассказать, как видел все происходившее молодой учёный из интеллигентной московской семьи*).

Семантические приемы представлены набором следующих лингвистических средств:

1) метафорического образа себя (*Я похож на медведя. То неуклюжий, то зной, то, наоборот, никакой*)’;

2) присоединения/уподобления (*Очень по-родному, спокойно чувствую себя с молодыми управленцами*);

3) противопоставления/контраста (*Уменьшает подруга — полная мне противоположность. Спокойная, как удав*);

4) выражений жизнеформирующих принципов, ценностей, приоритетов (*Мой принцип — без крайней нужды не ввязываться в драку, но если уж ввязался — драться до конца, пока есть силы*);

5) приемлемой/неприемлемой роли (*Роль демократического лидера для меня на редкость неудобна, внутренне немоя*);

6) указаний слабых/сильных сторон (*Прекрасно отдаю себе отчет в своих слабостях как публичного политика, призванного агитировать, объяснять, выигрывать выборы*).

Англоязычный автобиографический дискурс содержит те же лингвистические средства актуализации автоимиджа, что и русскоязычный, однако в меньшем объеме (количественное соотношение средств — 13:9, отсутствуют 1, 2, 3-й и 6-й приемы семантического порядка).

«Я со стороны» формируется за счет социального фактора в процессе социализации личности и эксплицируется в русскоязычных автобиографиях посредством речевых актов похвалы и диффамации, реализуемых через коммуникативный ход «апелляция к авторитету», представленный двумя разновидностями показателей: а) лексико-грамматическими и синтаксическими; б) прагматическими.

Первая разновидность показателей включает в себя следующие приемы:

1) неопределенно-личные конструкции (*В Прибалтике менялюбят, некупятся на проявления доверия и других добрых чувств*);

2) текстовые реминисценции в виде определенных средств объективации, а именно: а) прямого цитирования устных высказываний/характеристик/ремарок (*Алла тут же заявила Филиппу: «Теперь ты поняла, почему я за тебя замуж вышла? Потому, что ты похожа на Немцова»*); б) прямого цитирования письменных текстов (*Закон о Хакамаде: «Хакамада — это устойчивая система изменений иррационального и рационального...»*); в) стилизации под прямую речь (*Впервые мне это высказал открытым текстом один из моих мужей: «Ты что, ханжа? Или полная дура? Или другое»*); г) пересказа (*Маша иногда грустит, говорит, что, выходя замуж за надежного внука Павла Петровича Бажова, совершенно не ждала от меня приключений в стиле Аркадия Гайдара*);

3) лексемы «образ/репутация» (*сложилась научная репутация*).

Ко второй разновидности можно отнести следующие приемы:

1) упоминание своих прозвищ и ярлыков, сформировавшихся в массовом сознании (И. Хакамаду коллеги прозвали «*анфантеррибль*», а Б. Немцова — «*кудрявым*»);

2) референцию к стереотипам (*А тут Гайдар. Раз Гайдар — значит по бпату*);

3) языковую фиксацию реакции аудитории (*Кто-то из собравшихся спрашивает меня о моём вероисповедании. Я откровенно отвечаю — агностик. Зализумлён, а сопровождающие меня московские коллеги не могут спрятать улыбки.*

Англоязычные автобиографии демонстрируют более богатый арсенал лингвистических средств, которые, помимо вышеназванных, содержат и следующие элементы: реализацию эпистемической модальности (*Perhaps sometimes they think that I am going off my head*); вербализацию подтекста (*The unspoken implication was that this was all that could be expected of a grocer's daughter*); умозаключения, сделанные на основе поведенческой реакции окружающих по отношению к автобиографу (*As I entered the businessmen stopped talking and looked at me. Most were complacent: "Hur, hur, he's already blotted his copy book"*), количественное соотношение средств — 6 : 9. В плане предпочтений излюбленным приемом русских политиков является использование неопределенно-личных конструкций и текстовых реминисценций, а британцы наиболее часто прибегают к языковой фиксации реакции аудитории и так же, как и русские, — к текстовым реминисценциям.

«Я идеальное» подразумевает наличие определенных составляющих (личные качества индивида, система ценностей, диспозиций, отношение к базовым оценочным категориям), которые входили бы в концепцию желаемого Я его носителя, а также коррелировали бы с принятыми в данном социуме культурными и моральными предпосылками/нормами. «Я идеальное» распадается на «Я идеальное гармонизирующее» («Я идеальное» как отражение комфортного внутреннего состояния личности автобиографа) и «Я идеальное прагматическое» («Я идеальное» с позиций избирателя).

«Я идеальное гармонизирующее» в автобиографиях российских и британских политиков реализуется посредством стратегии «автоидеализации», а «Я идеальное прагматическое» — с помощью стратегии «автопрезентации».

В русскоязычных и англоязычных политических автобиографиях стратегия автоидеализации представлена рядом коммуникативных ходов.

Коммуникативный ход 1. «У меня есть нечто, что бы я хотел сохранить в себе». Данный ход отражает положительную оценку адре-

санта своих качеств, убеждений, позиций. В русской автобиографической прозе его успех обеспечивают следующие маркеры причастности: а) позитивно окрашенные наречия (*уютно, комфортно, интересно*); б) когнитивные предикаты (*немыслию себя без..., склонен к...*); в) экспрессивные мелиоративные существительные (*слабость, блаженство*); г) предикаты долженствования (*важно, необходимо, нужно*); д) сослагательное наклонение (*не чувствовал бы себя*). В английских автобиографических произведениях удовлетворение самим собой эксплицируется с помощью следующих средств: а) глагола *to be* (Present Simple/Past Simple) + именная часть предиката (*happy, proud*); б) предиката *to hope*, программирующего желаемое будущее; в) положительно маркированных прилагательных (*the best*); г) сослагательного наклонения.

Коммуникативный ход 2. «У меня есть нечто, что меня не устраивает в себе». Посредством данного хода осуществляется отрицательная оценка негативных и вызывающих субъективное неодобрение составляющих личности автора. В русскоязычных автобиографиях к лингвистическим средствам, помогающим реализовать проекцию обозначенной оценки, относятся маркеры отчужденности, а именно: а) устойчивые выражения (*не по душе, не в восторге*); б) прилагательные с отрицательной оценкой (*убогий, невзрачный, безобразный, некрасивый, неприятный*); в) авторяльки (*училка, Серая Мышь*); г) существительные с отрицательной коннотацией (*идиотизм, угнетённость, подавленность, замкнутость*); д) эмотивные предикаты либо с отрицательной частицей «не», либо с минимизатором «мало» (*не устраивает, не люблю, не подходит, мало привлекает*). В англоязычных автобиографиях неудовлетворенность собой передается с помощью следующих приемов: а) словосочетаний, в семантической структуре которых присутствует сема «боль» (*twinges of pain, dreadful signs*); б) негативно маркированной и сниженной лексики (*bored, stained, shit-heap, fuck*).

Коммуникативный ход 3. «У меня нет чего-то, что бы я хотел иметь». Данный коммуникативный ход указывает на те качества и черты личности, которые ей не присущи, но необходимы для личностного душевного равновесия, для удовлетворения собой. В русскоязычных автобиографических произведениях автор заявляет о пожеланиях самому себе с помощью следующих средств: а) предикатов внутреннего состояния (*жалею, мечтаю, хочу*); б) сослагательного наклонения (*выбрал бы, можно было бы*). В англоязычной автобиографической прозе ответ на вопрос «Что мне не хватает для счастья?» дается с помощью средств: а) предиката *like* в сослагательном накло-

нении (*I'd like to revert to oldslchian Al*) \ б) лексем, реализующих значение «тоска» (*nostalgic, deliciouspain*) \ в) лексем со значением «стыд» (*to my shame*).

Коммуникативный ход 4. «У меня нет чего-то, что мне не нравится». Этот коммуникативный ход дает автору возможность заявить об отсутствии в своей концепции автоимиджа определенных, как правило, негативных черт. Лингвистически такого рода посыл передается в русских автобиографических произведениях с помощью предиката *хотеть* с отрицательной частицей *не* или его синонимичного коррелята *не иметь желаний*, которые могут усиливаться наречиями-абсолютами *совсем, никогда* (*Я совсем не хочу, чтобы во мне видели некую железную леди*). В англоязычных политических автобиографиях данный коммуникативный ход не имеет языкового воплощения.

Стратегия «идеальной автопрезентации» направлена на манипуляцию общественным мнением. Она представлена двумя речевыми тактиками, которые позволяют реализовать прагматический аспект «Я идеального»: **тактикой соответствия адресату** и **тактикой самовозвеличивания**.

Суть первой тактики заключается в игре адресанта на предрасположенности адресата верить знакомому, родному. С этих позиций в автобиографическом политическом дискурсе широко применяют следующие приемы: а) ссылки на личный опыт, в основном неудачный, с апелляцией к чувству жалости и сочувствия (*Я слишком долго жила в бедности*); б) детализацию (М. Тэтчер во всех подробностях описывает бакалейный магазин своего отца и свои обязанности в нем); в) концепты высших общечеловеческих ценностей (Семья, Бог, Счастье).

Вторая тактика (самовозвеличивания) основана на Принципе Вежливости (Brown, Levinson 1987), в частности на максиме скромности (*modesty maxim*). Ее суть заключается в том, чтобы минимизировать похвалу себя и максимизировать неудовлетворенность собой. Данный замысел реализуется с помощью следующих приемов: а) выдвижения определенных положительных характеристик, исходящих из уст авторитетного человека, за которыми следует комментарий автора, призванный якобы опровергнуть то, что было сказано о нем (*Margaret Thatchersaid, "I need someone with a presence, charm, someone different and, of course, with a brilliant brain" (No, really)*); б) вербализации эпистемической модальности (*к нашему удивлению, наверное, как*

мнекажется), в) слов-минимизаторов *некоторые/несколько (some)*; г) вкраплений в автобиографический политический дискурс педагогического с помощью деонтической модальности (*Советую не горячиться особо; I believe we should judge people on merit, and not on background*), авторских афоризмов (*Novelty always drains the stamina*); д) ключевых слов дискурса.

Таким образом, на базе изучения лингвистических средств реализации трех составляющих концепции автоимиджа были очерчены автообразы (в трех срезах) шести политических деятелей. Были получены следующие результаты (отобраны наиболее четкие и первостепенные имиджи), которые отражены в таблице на с. 20.

Систематизация представленных автообразов позволяет говорить о почти стопроцентном совпадении имиджей из области «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеального прагматического», что можно объяснить следующими факторами: а) (в случае двух первых Я) свободой выбора именно той позиции окружающих по отношению к себе, которая приятна и импонирует автобиографу; б) прагматической интенцией автора. «Я идеальное гармонизирующее» в большинстве случаев не коррелирует с вышеупомянутыми образами, причина чего кроется в самой идее данной составляющей, а именно — в мысленном обращении к сфере идеального, недостижимого. Когда же происходит совпадение трех образов (И. Хакамада, Е. Гайдар, частично М. Тэтчер, П. Ашдаун), это означает, что личность уже обладает тем или иным качеством, состоянием и просто желает его усилить.

К национально-обусловленным особенностям вербализации концепции автоимиджа представителей двух культур можно отнести и следующие:

а) акцент на определенных качествах автобиографов (профессиональные качества — в англоязычных автобиографиях; личные качества — в русскоязычных автобиографиях);

б) степень навязчивости/ненавязчивости суждений (англичане предоставляют видимую свободу читателю в плане формирования своих собственных умозаключений (эпистемическая модальность); русские автобиографы более авторитарны, категоричны и прямолинейны);

в) составляющие ценностных концептов (апелляция к внешней, прагматической составляющей концептов Счастье, Бог, Семья — в англоязычных автобиографиях; манипулирование внутренней, межличностной составляющей — у русскоязычных автобиографов).

Политические деятели	«Собственно Я»	«Я со стороны»	«Я идеальное»: а) гармонизирующее; б) прагматическое
И. Хакамада	«Интеллигентная белая ворона» (противоречивость, индивидуализм)	«Белая ворона» (яркий индивидуальный стиль, счастливая женщина, политик новой формации)	а) Яркость образа, экстравагантная внешность, готовность к сотрудничеству; б) ключевое слово — «фан»
Б. Немцов	«Красивый интеллектуальный медведь» (знает себе цену, неприхотливый)	Красивый, общительный, порядочный, трудолюбивый а)	Новаторство, независимость; б) ключевое слово — «интеллектуальный»
Е. Гайдар	«Советник-интеллигент» (предан России и интересам дела)	Профессионал, патриот	а) Долг, ответственность, мягкость, теплота, преданность Родине; б) ключевое слово — «ответственность»
М. Тэтчер	«Жёсткая рука» (предана своему делу и партии, трудоголик)	«Железная Леди»	а) Продуктивность, занятость, семья, материнство; б) ключевое слово — "politics"
А. Кларк	«Ранимый аристократ» (творческая личность с тонкой душевной конституцией)	«Чудаковатый, эксцентричный аристократ»	а) Простота, свобода, семья, молодость; б) ключевые слова — "lovely", "delicious"
П. Ашдаун	«Вечный двигатель» (деятельный, предпринимчивый)	«Реаниматор социал-демократической партии»	а) Публичность, молодость; б) ключевое слово — "speech"

Помимо лингвокультурологических отличий анализ автоимиджа показал и тендерные особенности, влияющие на его формирование. Они отмечены общемировой тенденцией антропологического сдвига, когда женщины все больше становятся похожими на мужчин, перекладывая на себя их полномочия. Женщины проникаются духом маскулинности и прекрасно адаптируются к традиционно мужской роли политика. А мужчины, в свою очередь, более остро ощущают женские эмоциональные состояния (депрессиям, фрустрациям, срывам) и склонны тяготиться ответственностью и властью.

В главе разработаны способы верификации соответствия построенных концепций автоимиджа шести политических деятелей (И. Хакамады, Б. Немцова, Е. Гайдара, М. Тэтчер, П. Ашдауна, А. Кларка) их объективно сложившимся публичным имиджам. Полученные концепции автоимиджа, во-первых, сопоставлены с речевыми портретами соответствующих политиков. В результате обнаружено их значительное несовпадение, что свидетельствует, видимо, об отсутствии объективности и тенденции к приукрашиванию, свойственных автоимиджу. Во-вторых, сопоставлению подверглись концепции автоимиджа, предложенные в автобиографических произведениях, и публичные имиджи вышеназванных политических деятелей, представленные в СМИ. Результаты оказались противоречивыми: 50% совпадения и 50% расхождения, что обусловлено способностью или неспособностью личности политика превращать свои недостатки в достоинства и яркие грани своего популярного имиджа.

В заключении диссертации подводятся итоги проведенных наблюдений по каждой заявленной во **введении** задаче, а также намечаются пути и перспективы дальнейших исследований (лингвистическая модель персонифицированного типа имиджа (корпоративный имидж организаций в сфере бизнеса и политики); взаимодействие институциональных и неинституциональных дискурсов; маргинальные жанры политического дискурса).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Даулетова В. А. Россия — США: миф и личность // Язык в мире и мир в языке: Материалы Междунар. науч. конф. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2001. — С. 142—143 (0,1 п. л.).

2. Даулетова В. А. Культурные стереотипы — основа политического имиджа // Филология и культура: Материалы III междунар.

науч. конф. — Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Державина, 2001. — С. 151—152(0,1 п. л.).

3. Даулетова В. А. Дискурсные реализации политической автобиографии // Современная политическая лингвистика: Материалы междунар. науч. конф. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. — С. 49—50(0,1 п. л.).

4. Даулетова В. А. Прагматические особенности автобиографического политического дискурса//Образование, наука, творчество. — Вып. 1. — Армавир: Адыгская (Черкесская) Междунар. акад. наук, 2003. — С. 58—63 (0,4 п. л.).

5. Даулетова В. А. Автоимидж языковой личности // Язык и межкультурная коммуникация. — № 2. — Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2004. — С. 42—47 (0,4 п. л.).

6. Даулетова В.А. Политическое «брендостроительство» // Теория и практика преподавания иностранного языка: Материалы IV межвуз. науч.-метод. конф. — Краснодар: КВАИ, 2004. — С. 33—40 (0,5 п.л.).

7. Даулетова В. А. Языковая личность и «Я» (на материале политических автобиографий) // Языки и транснациональные проблемы: Материалы 1-й междунар. науч. конф. 22—24 апр. 2004 года. — Т. 2. — М.—Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. — С. 199—205 (0,4 п.л.).

Научное издание

ДАУЛЕТОВА Виктория Александровна

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
АВТОИМИДЖА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(на материале русской и английской
биографической прозы)

А в т о р е ф е р а т

Подписано к печати 24.05.2004 г. Формат 60x84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказах»/.

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131. Волгоград, пр. им. В.И.Ленина. 27

2924